

На правах рукописи

ЧЕПОРУХИНА Мария Георгиевна

**ЭВФЕМИЯ И ДИСФЕМИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ
НОВОСТНЫХ СТАТЕЙ)**

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень
2022

Работа выполнена на кафедре французской филологии Института социально-гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: **Лыкова Надежда Николаевна,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры французской филологии
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный
университет»

Официальные оппоненты: **Викулова Лариса Георгиевна,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры романской филологии
Института иностранных языков ГАОУ ВО
города Москвы «Московский городской
педагогический университет»

Кошкарлова Наталья Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Международные отношения,
политология и регионоведение» Института
лингвистики и международных коммуникаций
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский
университет)»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»**

Защита состоится «22» июня 2022 года в 9:00 на заседании диссертационного совета Д 212.274.15 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Библиотечно-музейном комплексе ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 18, а также на официальном сайте ТюмГУ: diss.utmn.ru.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Д. В. Шапочкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено сопоставительному изучению явлений эвфемии и дисфемии во французском и русском языках на материале новостных интернет-статей о внутренней политике Франции и России и интернет-комментариев к этим статьям.

В диссертации единство новостной интернет-статьи и интернет-комментариев к ней мы называем «интерактивной новостной статьей», а в качестве гиперонима для обозначения эвфемизмов и дисфемизмов, вслед за К. Алланом и К. Берридж, мы используем наименование «иксфемизм» [Allan, Burridge 1991, 2006].

Актуальность темы исследования объясняется, в первую очередь, большим интересом современной лингвистики к исследованиям языка средств массовой информации, которые были выделены в конце XX — начале XXI вв. в особую науку — медиалингвистику.

Учитывая сложившуюся в мире напряженную общественно-политическую обстановку, к языку средств массовой информации предъявляются жесткие требования политической корректности, позволяющие избежать оскорблений и конфликтов. Соответственно, изучение эвфемии как средства смягчения общения сегодня особенно актуально.

Однако СМИ не только отображают существующую реальность, но и способны создавать новую, камуфлируя и даже подменяя нежелательные реалии или формируя у населения негативный образ каких-либо порицаемых явлений. Так, эвфемизмы служат для манипулирования общественным сознанием, выполняя функцию сокрытия реальности, а дисфемизмы способны задавать негативный тон общественной оценки тех или иных событий и лиц.

Иная картина наблюдается в текстах интернет-комментариев, представляющих собой эмоционально насыщенный, почти не регламентированный разговорный язык, где употребление эвфемизмов и дисфемизмов отражает личностное, а не продиктованное политикой, отношение к политическим и социальным реалиям.

Одновременный анализ текстов новостных интернет-статей и текстов интернет-комментариев позволяет углубить понимание общественных настроений и ценностей и описать языковую картину политической жизни общества. В исследовании применяется интегративный подход к анализу материала с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов функционирования эвфемизмов и дисфемизмов в тексте.

Кроме того, при ознакомлении с теоретической литературой по теме исследования становится очевидным, что явление эвфемии изучено гораздо подробнее, чем явление дисфемии, однако в лингвистике не сложилось общепринятого определения терминов «эвфемизм» и «дисфемизм», нет единого подхода к выделению «промежуточных» типов эвфемизмов и дисфемизмов, что приводит к смешению терминов, отсутствуют подробные классификации способов дисфемизации.

Мало изученными остаются явления эвфемии и дисфемии в сопоставительном аспекте на материале современного русского и французского языков и на матери-

але интернет-комментариев на разных языках, что также обуславливает актуальность выбранной темы.

Теоретическую базу исследования составили труды об эвфемизмах [Ахманова 2004; Баскова 2006; Бойко 2005; Бушуева 2005; Видлак 1967; Вильданова 2015; Гаевая, Никитина 2017; Гальперин 1958; Катенева 2013; Кацев 1977, 1988; Крысин 1994; Москвин 1999, 2001; Мухамедьянова 2005; Порохницкая 2014; Шейгал 2000; Якушкина 2009; Allan, Burrigge 1991, 2006; Bonhomme 2005, 2012; Casas Gómez 2009, 2012; Chamizo Dominguez, Sánchez Benedito 2005; Crespo-Fernández 2005; Duda 2011; Horak 2017; Hughes 2010; Lakoff 1995; Muntéano 1953]; о дисфемизмах и смежных явлениях [Бойко 2005; Бушуева 2005; Гаевая, Никитина 2017; Гальперин 1958; Жельвис 2001; Катенева 2013; Кацев 1988; Кваскова 2016; Резанова 2008; Шейгал 2000; Шишова 2014; Allan, Burrigge 1991, 2006; Casas Gómez 2012; Green 1998; Lagorgette 2002, 2012; Larochelle 2007; Partridge 1933; Perea 2011]; о медиакommunikации и интернет-kommunikации [Варганова 2017, 2021; Викулова, Серебренникова 2014, 2020; Галичкина 2001; Добросклонская 2008; Карасик 2018; Нуртазина, Сарбаева 2020; Горошко 2007, 2013; Collins 1992; Crystal 2001; Filik et al. 2016; Ghosh et al. 2018; Herring 2010; Maunor 1994; Yuasa et al. 2011]; о жанре новостной статьи [ван Дейк 1989; Кокурина и др. 2021; Олянич 2004; Халанская 2006; Чудинов 2006; Fairclough 2006; Narcup, O'Neill 2017]; о жанре интернет-комментария [Вульфович 2021; Гималетдинова 2012; Гималетдинова, Довгаева 2017; Каменева 2016; Попова 2017; Сидорова 2014; Стексова 2013, 2014; Топчий 2019, 2020; Bruce 2011; Dupret et al. 2010; Humprecht et al. 2020] и о политической коммуникации [Быков 2013; Копнина, Кошкарлова 2021; Кошкарлова 2015; Пашинская 2016; Чудинов 2012; Шейгал 2000; Fairclough 2006].

Объектом исследования послужили эвфемизмы и дисфемизмы в интерактивных новостных статьях на французском и русском языках, а **предметом исследования** — способы эвфемизации и дисфемизации во французском и русском языках.

С учетом современного состояния теории эвфемии и дисфемии, была поставлена следующая **цель исследования**: выявить специфику реализации эвфемии и дисфемии в интерактивных новостных статьях о внутренней политике России и Франции.

Для достижения цели исследования были выделены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть теоретические основы изучения эвфемии и дисфемии в отечественной и зарубежной лингвистике и вывести рабочие определения понятий.
2. Дополнить существующие классификации способов образования эвфемизмов в русском и французском языках.
3. Создать подробную классификацию способов образования дисфемизмов в русском и французском языках.
4. Выявить функции, частотность и прагмалингвистические особенности использования эвфемизмов и дисфемизмов русскоязычными и франкоязычными интернет-пользователями.

Поставленные в исследовании задачи определяют выбор **методов и приемов исследования**: общенаучные методы анализа и синтеза при ознакомлении с литературой по теме исследования; при выполнении практической части исследования были использованы методы контекстологического анализа (при выявлении смысла высказывания, когда на семантику знака влияет не только непосредственное окружение, но и ситуативный и социальный контекст, иначе говоря, коммуникативная ситуация, социальные факторы и т.п.), компонентного анализа (при исследовании содержательной стороны изучаемых единиц), общепилологический метод интерпретации текста, количественные методы при сопоставлении частоты исследуемых явлений. Материал практического исследования отбирался по тематическому принципу методом сплошной выборки.

Материалом исследования послужили интерактивные новостные статьи о ключевых событиях внутренней политики Франции и России в период с 2017 по 2019 гг. на следующие темы: выборы президента, статус чиновников, политика в отношении семьи, бедность населения, протестные акции. Выбор статей на французском и русском языках был обусловлен схожестью тем и примерно одинаковым количеством комментариев. Были также проанализированы комментарии интернет-пользователей к этим статьям. Статьи были опубликованы на официальных интернет-сайтах информационного агентства РИА Новости, интернет-газеты Lenta.ru (Россия) и интернет-сайтах газет Le Figaro, Le Monde (Франция). Часть комментариев была взята с сайтов СМИ (при условии открытого к ним доступа), а часть — с дублирующих сайт официальных страниц этих СМИ в социальных сетях ВКонтакте (Россия) и Facebook (Франция). Было проанализировано 10 статей (5 на русском языке и 5 на французском), а также 4793 комментария к ним (2498 на русском языке и 2295 — на французском), содержащих исследуемые явления.

Гипотезой исследования является предположение о том, что эвфемия и дисфемия — сложные явления, интерпретация которых зависит от многих факторов как чисто лингвистических, так и экстралингвистических. Вследствие цифровизации СМИ и появления интернет-версий многих газет, где читатели могут высказывать свое мнение в форме свободного комментария, в интернет-пространстве преобладает явление дисфемии в ее разнообразных формах и видах.

Научная новизна исследования заключается в том, что эвфемизм и дисфемизм были изучены в соотношении с понятиями «смысл» и «значение», что позволило выделить различные типы иксфемизмов и подробно рассмотреть способы образования и цели использования контекстуальных эвфемизмов и дисфемизмов и нейтрализованных дисфемизмов, которые мало изучены в мировой лингвистике; была разработана схема, иллюстрирующая соотношение между разными типами эвфемизмов и дисфемизмов; были выделены критерии различения, с точки зрения выполняемой ими функции, понятий «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива», которые зачастую используются недифференцированно в отечественной лингвистике, и разработана схема, наглядно иллюстрирующая соотношение между этими единицами.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение явлений эвфемии и дисфемии: были уточнены значения терминов «эвфемизм», «дисфемизм»; эвфемизм и дисфемизм рассмотрены во взаимосвязи со смежными понятиями «табу», «политкорректность», «сленг», «вульгаризм», «инвектива»; выделены и подробно охарактеризованы «промежуточные» типы иксфемизмов; дополнены уже существующие классификации способов образования эвфемизмов, а также разработаны подробные классификации способов образования дисфемизмов и выделенного «промежуточного» типа дисфемизмов — контекстуальных дисфемизмов. Работа также вносит вклад в развитие сопоставительной лингвистики, поскольку явления эвфемии и дисфемии изучаются на материале индоевропейских языков, а также на материале текстов разных жанров.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных теоретических выводов при составлении лекционных курсов по лексикологии; практическая же часть исследования может быть применена не только как иллюстративный материал для проведения практикумов по лексикологии, интерпретации текста, перевода, лингвокультурологии и медиалингвистике, но и на практических занятиях по русскому и французскому языкам и по культуре речи. Полученные результаты могут быть также использованы для изучения явлений эвфемии и дисфемии на материале других языков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ключевым фактором отнесения слов или высказываний к эвфемизмам или дисфемизмам являются не столько их языковые характеристики (наличие мелиоративных или пейоративных сем в структуре значения), а, скорее, выполняемые ими функции. Эвфемизм употребляется для позитивизации или нейтрализации обозначения референта, а основная функция дисфемизма — выражение негативной оценки.

2. Для правильной интерпретации эвфемизмов и дисфемизмов важно рассмотрение не только значения слова, но и его смысла, рождающегося в контексте и ситуации и определяемого как непосредственно лингвистическим, так и экстралингвистическим окружением. Так, необходимо иметь фоновые знания о культуре, истории, разделяемых ценностях, взаимоотношениях в обществе, общественной и политической жизни страны.

3. Учитывая это, мы выделяем следующие типы иксфемизмов: чистые эвфемизмы, чистые дисфемизмы, контекстуальные эвфемизмы, контекстуальные дисфемизмы и нейтрализованные дисфемизмы.

Основными функциями выделенных типов иксфемизмов являются улучшение характеристик некоего лица, события, ситуации или их негативная оценка, что способствует манипулированию общественным мнением. Дополнительные функции реализуются в зависимости от типа иксфемизма.

4. В обоих языках использование эвфемизмов характерно для жанра новостной статьи, при этом применяются более вариативные средства эвфемии, нежели в комментариях. Во французском корпусе комментариев эвфемизмы встречаются чаще, чем в русском корпусе.

5. В интернет-комментариях к статьям обнаруживается преобладание дисфемизмов над эвфемизмами, тогда как в текстах статей явление дисфемии является относительно редким. Частота использования дисфемизмов в корпусе русских комментариев выше, чем во французском. Комментариям свойственна также бóльшая вариативность используемых средств дисфемии.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты проведенного исследования были обсуждены на периодических заседаниях кафедры французской филологии в 2018, 2019, 2020 и 2021 гг., на международных конференциях в Уральском федеральном университете (март 2019 г.), во Вроцлавском университете (Польша, июнь 2019 г.), в Санкт-Петербургском государственном университете (март 2020 г.) и в Уральском государственном педагогическом университете (сентябрь 2020 г.). По результатам исследования опубликовано 5 статей, 4 из которых в изданиях, рецензируемых ВАК.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключение, Библиографического списка, включающего 229 наименований научной литературы (из которых 75 источников на иностранных языках), 22 словаря и справочных издания и 8 источников исследовательского материала; и отдельного тома с приложениями. Общий объем работы составляет 187 страниц печатного текста без учета приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приводятся области соответствия исследования паспорту специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», обосновываются актуальность исследуемой темы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, перечисляются методы исследования и формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы изучения эвфемии и дисфемии»** рассматриваются различные подходы к толкованию эвфемизма и дисфемизма, устанавливается их взаимосвязь с явлениями табу и политкорректности, а также дается свое определение понятий «эвфемизм» и «дисфемизм».

Изучение эвфемизма как средства украшения речи, обладающего также манипулятивным потенциалом, восходит к античной традиции и трудам Исократы, Деметрия и Платона. До XVII — начала XIX вв. эвфемизм рассматривался исключительно как самостоятельная стилистическая фигура, но французские грамматисты Н. Бозе и П. Фонтанье доказали, что эвфемистичностью могут обладать любые стилистические фигуры, например, перифразы, метафоры [цит. по: Норак 2017, 133–135]. С конца XIX в. [Пауль 1880] и по сей день появляется достаточно большое количество работ об эвфемии, раскрывающих с разных сторон суть этого явления: например, в социологии рассматривается связь эвфемии и табу [Зеленин 1929, 1930; Фрэзер 1998; Meillet 1906; Nyrop 1913], где эвфемизм — это реакция на какие-то ограничения и запреты, способ их соблюдения [Кацев 1988, 16]. Дис-

фемизм, в свою очередь, является словесным способом выражения табу [Резанова 2008, 35; Pizarro Pedraza 2018, 1].

Эвфемизмы традиционно исследуются в стилистике, где определяются как особый стилистический прием, троп [Ахманова: электронный ресурс, Гальперин 1958, Заботкина 1989, Иванова 2004, Скребнев 1994, Du Marsais 2011]: эвфемизм — это «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова: электронный ресурс]. Однако эвфемизм может быть лишен одной из функций тропов — образного представления, декорирования действительности [Ларин 1961, Москвин 2001].

В лексикологии эвфемизм трактуют как субститут или даже синоним какого-либо нежелательного выражения [Антрушина и др. 1999, Арапова 1990; Арнольд 1986, Баскова 2006, Гальперин 1958, Гальчук 2000, Кацев 1988, Москвин 1999]: эвфемизмы — это «способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» [Кацев 1988, 5]. Однако трактование эвфемизмов как синонимов прямого наименования считается узким и не раскрывает их специфики, поскольку в качестве эвфемизмов часто употребляются слова, не имеющие общих сем с исходным наименованием. Более того, эвфемизмы могут реализовываться не только на лексическом, но и на грамматическом уровнях, что ставит под сомнение правомерность трактования эвфемизмов как синонимов слов-табу.

В ряде исследований [Иванова 2004, Кудряшова 2002, Кужим 2003] эвфемизмы рассматриваются как часть системы языка, отдельная группа слов, имеющих специальную помету в словаре и характеризующихся воспроизводимостью. Однако другие исследователи склоняются к тому, что слово или выражение становится эвфемизмом только в определенном контексте [Бойко 2005; Allan, Burridge 1991], при употреблении в речи [Horak 2017, 150–157].

В последние десятилетия наметился когнитивный подход к исследованию эвфемизмов [Порохницкая 2014; Allan, Burridge 1991, 2006; Casas Gómez 2009, Giezek 2002, Pinker 1994], в рамках которого устанавливается связь между дискурсом и стоящими за ним ментальными структурами.

Самым продуктивным на современном этапе развития лингвистики является изучение эвфемизмов в русле прагматики. Именно прагмалингвистический анализ раскрывает противоречивый характер эвфемии, ведь эвфемизм одновременно и нарушает, и соблюдает постулаты речевого общения. С одной стороны, многие лингвисты [Бойко 2005, Заботкина 1989, Крысин 1994, Мухамедьянова 2005, Якушкина 2009; Allan, Burridge 1991, 2006] выделяют такую цель эвфемизации, как стремление избежать коммуникативного конфликта. С другой стороны, в основе эвфемизма лежит несоблюдение сформулированного П. Грайсом постулата образа действия (манеры, тождества) [Якушкина 2009; Lakoff 1995], а также постулата качества, что особенно характерно для эвфемизмов в политическом дискурсе, где эвфемизация выступает как «стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить <...> неприятные факты посредством неоднозначности и неопределенности высказывания» [Якушкина 2009].

В своей работе мы понимаем эвфемизм следующим образом — это единица, употребляемая для позитивизации или нейтрализации обозначения референта, воспринимаемого в данной речевой ситуации как негативный, чье прямое наименование либо воспринимается как грубое, оскорбительное, либо нежелательное по каким-либо экстралингвистическим причинам (вслед за Т.В. Бойко; Е.И. Шейгал; К.В. Якушкиной; К. Allan, К. Burridge; М. Casas Gómez; А. Horak). В качестве эвфемизма могут выступать как отдельные слова, так и словосочетания и целые высказывания, реализующие в рассматриваемом контексте названные выше функции.

Наше исследование будет сосредоточено, в первую очередь, на прагматической стороне эвфемии (как и дисфемии, см. об этом ниже). Исследование эвфемизмов с точки зрения прагматики представляется нам наиболее уместным, так как такой подход позволяет выделить цели употребления и функции эвфемизмов. Помимо чисто лингвистического окружения интересующей нас единицы мы будем учитывать широкий контекст ситуации общения, не ограничивающийся только лингвистическим наполнением, но и содержащий информацию экстралингвистического характера [Долинин 1985, Колшанский 1980, Мыркин 1978, Firth 1957, Kleiber 1994].

Дисфемизм не получил такого широкого освещения в российской лингвистической литературе, как эвфемизм. С одной стороны, дисфемизм часто толкуется как противоположность эвфемизму и определяется через него [Бойко 2005, Бушуева 2005, Гальперин 1958, Кацев 1977, Шейгал 2000]. С другой стороны, нет четко, принятого всеми исследователями разграничения дисфемизмов и смежных единиц языка — вульгаризмов, сленга, инвектив. Поэтому мы считаем необходимым остановиться подробнее на описании нашего подхода к толкованию дисфемизма.

В некоторых отечественных работах дисфемизм рассматривается как единица социально маркированная [Нелюбин 2003], грубая и сниженная [Матвеева 2010], стилистически маркированная, сниженная, неприличная, нетактичная, резкая, вульгарная, фамильярная [Шишова 2014]. Е.И. Шейгал понимает под дисфемизмом «инвективу, основанную на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный» [Шейгал 2000].

В зарубежной лингвистике дисфемизм и смежные единицы исследуются чаще: отмечается, что с помощью дисфемизма не только выражается негативная оценка, но и оказывается пейоративное воздействие на слушающего, провоцируется его реакция [Zöllner 1997.]; утверждается, что правильно говорить не о дисфемизмах, а о дисфемистических употреблениях, подчеркивая, что дисфемистический аспект языкового знака зависит от множества обстоятельств (время, место, предмет разговора, национальность, социальный класс, пол, статус говорящих) [Casas Gómez 2009]. Согласно К. Аллану и К. Берридж, дисфемизм — это средство выражения оскорбления, агрессии или способ «выпустить пар» [Allan, Burridge 1991]. Авторы предлагают изучать дисфемизм (как и эвфемизм) в одном контексте с понятием «сохранение лица», которое играет важную роль в любой коммуникации [Allan, Burridge 1991]. Авторы отмечают, что любое нарушение постулатов речевого

общения является дисфемистичным. Однако нам представляется необходимым установить некоторые ограничения в толковании дисфемизмов в их отношении к максимам общения, так как при употреблении эвфемизмов максимы также нарушаются, о чем мы писали ранее, соответственно такой подход не позволяет однозначно определить эвфемизм и дисфемизм. У К. Аллана и К. Берридж в более поздней работе «Запретные слова» («Forbidden words»), посвященной дисфемии, мы находим уточнение, которое считаем важным: использование иксфемизмов (эвфемизмов и дисфемизмов) напрямую зависит от целей говорящего и того, какой эффект он хочет произвести на слушающего [Allan, Burrige 2006].

При таком понимании дисфемизма на первый план при анализе выходит не его семантика, а тот эффект, который высказывание оказывает на собеседника. Целью употребления дисфемизмов в глобальном смысле является стремление навредить «лицу» собеседника (или третьего лица, о котором идет речь), что проявляется в выражении негативного отношения к нему, его действиям, к коммуникативной ситуации в целом или к ее элементам.

Соответственно, дисфемизмами могут становиться не только сниженные и грубые слова, но и слова, имеющие негативные семы в структуре значения, которые, соответственно, актуализируются в рассматриваемом контексте и эксплицируют негативную оценку.

Так, например, в новостном тексте, проанализированном К. Алланом и К. Берридж, дисфемизм позволяет автору текста выразить неприязнь к действиям российского правительства: «*NATO has a deterrent against the Russian threat (дисфемизм)*» [Allan, Burrige 1991] ‘У НАТО есть сдерживающее средство против **угрозы** (дисфемизм) со стороны России’¹.

Более того, дисфемизмами могут становиться слова, не имеющие негативных сем в структуре значения, но выполняющие функцию выражения негативной оценки в рассматриваемом широком контексте: например, слово *азиат* вне контекста не является дисфемизмом, однако в Австралии это слово, произнесенное в адрес китайцев или тайцев, будет воспринято ими как оскорбление и, соответственно, дисфемизм [Allan, Burrige 1991].

В последних русскоязычных работах по дисфемии также наметилась тенденция к причислению к разряду дисфемизмов не только грубых и вульгарных, но и нейтральных слов, употребляемых в конкретной речевой ситуации для реализации поставленных коммуникативных задач [Гаевая, Никитина 2017; Катенева 2013, Резанова 2008], а также порой и мелиоративных слов [Гаевая, Никитина 2017]. И.Г. Катенева назвала эти единицы «контекстуальными дисфемизмами, образующимися за счет идеологизации нейтральных слов», как, например, слово *коммунисты* на страницах либерально-демократических газет [Катенева 2013]. Мы считаем возможным применять термин, введенный И.Г. Катеновой, также для наи-

¹ Здесь и далее перевод выполнен нами — М.Ч.

менования положительно заряженных вне контекста единиц, приобретающих, однако, негативные коннотации в контексте.

В нашем исследовании сделана попытка установить четкие границы в толковании дисфемизма и смежных с ним явлений, которые зачастую не дифференцируются в отечественной лингвистике. Изучив ряд работ по теории сленга [Егошина 2013; Ломтева 2005; Мосиевич 2008; Хомяков 1974; Швейцер 1983; Green 1998, Partridge 1933], вульгаризма [Беляева, Хомяков 1985; Коровушкин 2005; Ломтева 2005; Perea 2011] и инвективы [Дмитриенко 2007; Жельвис 2001; Fisher 1995; Lagorgette 2002, 2012; Larochelle 2007], мы разработали схему, наглядно иллюстрирующую соотношение между явлениями с точки зрения выполняемых ими функций (см. Рисунок 1):

Рисунок 1. Схема «Соотношение дисфемизма, сленга, вульгаризма и инвективы»

К разряду дисфемизмов могут быть отнесены некоторые сленгизмы и вульгаризмы (при условии, что они выражают негативное отношение) и все инвективы. Как мы показали ранее, дисфемизмами могут становиться также нейтральные и мелиоративные единицы. Сленг характеризуется, в первую очередь, высокой экспрессивностью и стремлением говорящего выйти за пределы языковых штампов. Вульгаризм всегда обладает непристойной экспрессивностью. А инвектива — дисфемизм, основная функция которого — выразить агрессию и атаковать собеседника.

Таким образом, в нашей работе дисфемизм понимается как единица, употребляемая с целью выражения негативного и уничижительного отношения к коммуникативной ситуации в целом или к ее участникам (вслед за Т.В. Бойко; А.А. Гавевой, А.Х. Никитиной; И.Г. Катеневой; А.Н. Резановой; К. Allan, К. Burridge; M. Casas Gómez). В качестве дисфемизма могут выступать как отдельные слова, так и словосочетания и целые высказывания, реализующие в рассматриваемом контексте названные выше функции.

Поскольку мы исследуем эвфемизмы и дисфемизмы как две стороны одной медали, вслед за К. Алланом и К. Берридж, мы считаем логичным предположить, что функции их использования прямо противоположны. А сферы использования, соответственно, совпадают [Allan, Burridge 1991, 8]. В материале нашего исследования сферы эвфемизации и дисфемизации ограничиваются сферами общественной и политической жизни.

В литературе выделяются следующие функции эвфемизма: избегание коммуникативного дискомфорта, конфликта [Крысин 1994; Ларин 1961; Мухамедьянова 2005; Якушкина 2009]; вуалирование, сокрытие истины [Баскова 2006, Гальперин 1958, Кацев 1977, Крысин 1994, Москвин 2001, Шейгал 2000, Якушкина 2009, Burchfield 1985]; шифрование сообщения [Крысин 1994; Москвин 2001]. Из функции вуалирования вытекает связанный с ней мотив манипулирования аудиторией, свойственный эвфемизмам в политическом и юридическом дискурсах [Horak 2017], а также в текстах средств массовой информации [Мухамедьянова 2005].

Классификации функций дисфемизма немногочисленны: выделяют, например, функцию выражения порицания, уничтожения оппонента, а также функцию языковой игры или установления позитивного контакта [Резанова 2008; Allan, Burr ridge 2006].

Правомерно, на наш взгляд, рассмотрение эвфемии и дисфемии в связи с явлением политической корректности: эвфемизм стремится соблюсти корректность, а дисфемизм, напротив, нарушить.

В последних исследованиях, выполненных в рамках прагматико-когнитивного подхода, наблюдается тенденция к составлению единой классификации способов образования эвфемизмов и дисфемизмов, так как лингвисты указывают на размытые границы между ними.

При таком подходе лингвисты замечают, что не всегда те единицы, которые традиционно считаются оскорбительными, являются таковыми во всех контекстах, что иногда грубое слово используют для выражения восхищения и, наоборот, безобидным словом можно нанести обиду. И тогда появляется проблема интерпретации двух, казалось бы, противоположных единиц — эвфемизмов и дисфемизмов, и выделяются «промежуточные» единицы: «эвфемистические дисфемизмы» и «дисфемистические эвфемизмы» [Allan, Burr ridge 2006]; «иронические эвфемизмы» [Кацев 1977; Сеничкина, Никитина 2007]; «контекстуальные эвфемизмы» [Босчаева 1989; Гаевая, Никитина 2017; Катенева 2013]; «псевдоэвфемизмы» [Голубева 2020; Макарова 1986; Санников 2002; Серкова 2015; Hughes 2010; Ullmann 1964], причем многие термины получают разное толкование.

Высказывается мысль о решающей роли контекста [Allan, Burr ridge 2006; Chamizo Dominguez, Sánchez Benedito 2005; Duda 2011], а также интенций говорящего [Allan, Burr ridge 2006; Duda 2011] при проведении границы между дисфемизмом и эвфемизмом.

Мы считаем, что сложность в отнесении к эвфемизмам или дисфемизмам тех или иных лексических единиц обуславливается тем, что содержание понятий «негативное» и «нежелательное» в неофициальном общении имеет субъективный характер. В официальной коммуникации «нежелательное» определяется политической идеологией и/или требованиями цензуры как на уровне отдельно взятого интернет-портала, так и всего государства. Важную роль играет отношение комментаторов статей к существующим ограничениям, их (не)желание соблюдать их. Поэтому столь же субъективный характер носит выбор ими лексических единиц, регулируемый самоцензурой.

С опорой на теорию об иксфемизмах, предложенную К. Алланом и К. Берридж [Allan, Burr ridge 2006, 32], предлагаем рассмотреть следующим пример: для одного

человека назвать политика *дураком* будет детским «обзывательством», поскольку, по его мнению, политик заслуживает более грубых и резких наименований (соответственно, *дурак* для такого человека — эвфемизм, ведь он сам употребил бы табуированное слово, которое, по его мнению, неуместно в рассматриваемой ситуации), а для другого *дурак* — самое настоящее оскорбление, которое нельзя допустить в адрес официальных лиц (значит, для него *дурак* — это дисфемизм).

Если мы будем исследовать значение слова *дурак* изолированно от контекста, используя словарные дефиниции, то наличие в нем негативных сем («глупый человек»²) будет свидетельствовать о том, что слово может выражать негативное отношение. Однако, как показывают наши рассуждения выше, негативные семы могут нейтрализоваться в определенных экстралингвистических условиях, и на первый план выходит не словарное значение слова, а его смысл, который реализуется в ситуации и зависит от намерения говорящего. Поэтому представляется, что при исследовании эвфемии и дисфемии важны понятия «значение» и «смысл», толкование которых вытекает из противопоставления языка и речи. А слово, как мы считаем, становится эвфемизмом или дисфемизмом именно при его употреблении в речи, то есть при наличии широкого контекста.

Исходя из рассмотренных подходов к пониманию значения и смысла, мы делаем вывод о том, что значение слова относительно стабильно, одинаково у большинства членов языкового коллектива, закреплено в языке и отражено в словарях [Долинин 1985; Кобозева 2000; Мельников 1974 (цит. по Бондарко 1978)]; а его смысл трудно уловим [Кушнина 2004], субъективен, выражается только в речи, выводится из контекста и анализа экстралингвистических факторов речевой ситуации (намерения и цели говорящего, его знания и ценности, наличие или отсутствие цензуры и пр.) [Выготский 1934; Долинин 1985; Кармин 2003; Кобозева 2000; Косериу 1989; Леонтьев 1999; Мельников 1971 (цит. по Бондарко 1978); Успенский 2007].

Для наглядного представления различий между понятиями «эвфемизм» и «дисфемизм» в соотношении с понятиями «значение» и «смысл» нами была разработана схема, демонстрирующая также цели использования эвфемизмов и дисфемизмов (см. Рисунок 2).

Смысл накладывается на значение, не всегда совпадая с ним. Границы смысла нечеткие, так как смысл рождается в ситуации и не все потенциальные смыслы закреплены в словарях. Зеленым цветом обозначены положительные значения и смыслы, а красным, соответственно, — отрицательные. С помощью градиента показан постепенный переход значения и смысла от положительного (чистый зеленый цвет) к отрицательному (чистый красный цвет). Белая зона в центре соответствует нейтральному значению и смыслу. В выносках обозначены цели использования изучаемых единиц.

² Большой толковый словарь: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B4%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BA> (дата обращения: 10.03.2020)

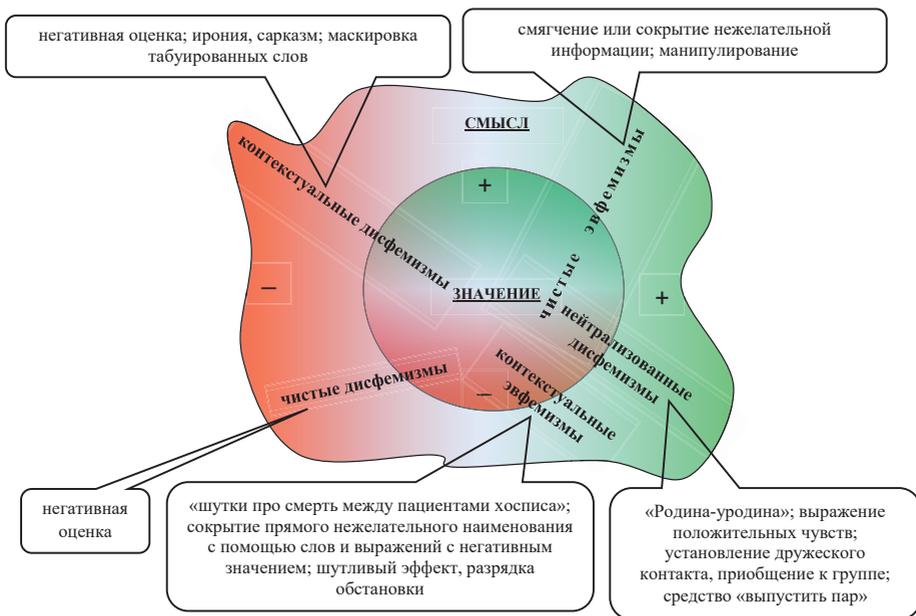

Рисунок 2. Схема «Значение и смысл в соотношении с понятиями «эвфемизм» и «дисфемизм»

Сочетание положительного или нейтрального значения (в некоторых случаях обобщенного отрицательного значения) и положительного или нейтрального смысла характерно для чистых эвфемизмов, отрицательного смысла и значения — для чистых дисфемизмов. Определение «чистый» использовано нами в значении «беспримесный, не содержащий ничего постороннего»³: чистые эвфемизмы имеют в структуре значения положительные или нейтральные семы (без «примеси» негативных сем), а чистые дисфемизмы — негативные семы (без «примеси» мелиоративных сем). Более того, «чистый» также означает «понятный, ясный»⁴, то есть обладающий прозрачной, легко понимаемой негативной или позитивной оценочностью. У контекстуальных дисфемизмов значение нейтральное или положительное (положительные семы нейтрализуются), а смысл отрицательный (термин И.Г. Катеновой). Контекстуальные эвфемизмы имеют отрицательное значение (которое, однако, отходит на второй план), но положительный смысл, рождающийся именно в рассматриваемом контексте. Мы предлагаем этот термин по аналогии с обозначением «контекстуальные дисфемизмы». В нашей классификации отдель-

³ Толковый словарь Ушакова: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1088786> (дата обращения: 17.08.2021)

⁴ см. там же.

ное место отведено единицам, значение которых негативно, но цели употребления положительные. Мы не можем отнести эти единицы к разряду эвфемизмов, так как они не выполняют основных функций смягчения или сокрытия реальности, присущих эвфемизмам, поэтому мы считаем их нейтрализованными дисфемизмами, то есть дисфемизмами, в значении которых нейтрализуются негативные семы.

Во **второй главе «Массовая политическая коммуникация в сети интернет»** мы проследили влияние интернет-среды на массовую коммуникацию, ставшую предметом исследования особой отрасли языкознания — медиалингвистики.

Мы разделяем понимание интернет-коммуникации, предложенное Е.Н. Галичкиной, как коммуникации, осуществляемой посредством компьютера, часто носящей массовый характер (в масс-медиа) и объединяющей огромную аудиторию, служащей для распространения информации, убеждения и воздействия на адресата, носящей социальный характер, так как распространяемая информация и ценности отражают интересы определенных социальных групп [Галичкина 2001].

Отмечается, что жанр интернет-комментария является исконным жанром интернет-коммуникации, а жанр новостной статьи, традиционно выделяемый среди информационных жанров, с попаданием в виртуальную среду не претерпел особых изменений, по крайней мере, в языковом плане [Иванов 2003; Клушина и др. 2018; Crystal 2001].

Всемирная паутина проникла во все сферы человеческой жизни, включая политику, где нашла воплощение в политической интернет-коммуникации, которую мы понимаем достаточно широко, как коммуникацию, посвященную политическим проблемам [Чудинов 2012; Шейгал 2000], и включаем в нее и новостные статьи политического характера, и интернет-комментарии о политике.

Подробно рассмотрев особенности жанра политической новости, мы обнаружили, что в языке современных СМИ, в том числе в сети интернет, фиксируется сильное влияние устной разговорной речи, зачастую далекой от образцовости [Варганова 2021; Добросклонская 2008; Иванчук 2021; Нуртазина, Сарбаева 2020; Халанская 2006]. Многие ключевые черты интернет-коммуникации (виртуальность, интерактивность, креолизованность, гипертекстуальность, синтез устной и письменной речи и креативность [Тарасова 2015]) проявляются также в интернет-комментарии, являющемся реакцией на статью и носящем чаще всего оценочный характер.

Интернет-комментарий является вторичным текстом, реакцией на какой-то исходный текст (например, новостное сообщение или комментарий другого пользователя), называемый «стимулом» [Каменева 2016], «триггером» [Dupret et al. 2010].

И.В. Топчий предлагает разделить интернет-комментарии на две группы по способу выражения в них оценки: основанные на эксплицитных средствах оценки и содержащие имплицитные способы оценки, креативные (включающие в себя элементы визуализации: фото, карикатуры, мемы, стопкадры фильмов, принтскрины переписок, смайлики, гифки, видео; аудио-контент; разные формы дизайна; художественные элементы, требующие от пользователя временных, эмоциональных затрат) [Топчий 2019]. Мы предлагаем расширить понимание креативных комментариев и включать в эту группу не только поликодовые комментарии, но и те, в ко-

торых не совпадают значение и смысл оценочных единиц, используется игра слов, а также комментарии, толкование которых требует привлечения фоновых знаний.

Несамостоятельность комментария и его тесная связь с новостной статьей дают основание для выделения особого жанра — интерактивной новостной статьи, которая представляет собой сотворчество журналиста и читателя (адаптация термина «интерактивная газетная статья» [Гималетдинова 2012; Стексова 2013; Вгусе 2011].

В третьей главе «**Реализация эвфемии и дисфемии в политической интерактивной новостной статье**» нами были рассмотрены способы образования разных типов эвфемизмов и дисфемизмов в пространстве интерактивной новостной статьи на русском и французском языках, выделены их функции и частота встречаемости в комментариях.

Поскольку объем новостных статей намного меньше объема комментариев к ним, было принято решение не учитывать в статистике единицы, отобранные из статей, так как сравнивать выборки из корпусов разного объема непоказательно. Тем не менее мы будем использовать данный материал для анализа способов образования и функций эвфемизмов и дисфемизмов.

Частота встречаемости комментариев с различными типами эвфемизмов и дисфемизмов представлена на Рисунке 3:

Рисунок 3. Диаграмма «Эвфемизмы и дисфемизмы в комментариях о внутренней политике на русском и французском языках»

Полученные данные свидетельствуют о том, что в обоих корпусах комментариев дисфемизмы преобладают над эвфемизмами, что подтверждает исходную гипотезу о преобладании дисфемии над эвфемией в современном масс-медиа дискурсе.

При сопоставительном анализе русского и французского корпусов интерактивных новостных статей были отмечены следующие специфические особенности употребления эвфемизмов и дисфемизмов, свойственные обоим языкам:

1. В обоих языках эвфемистичность в принципе свойственна новостному жанру: в ситуации официального общения, где строгое соблюдение принципов политкорректности закреплено на законодательном уровне и обусловлено общественно-политической обстановкой, более вариативны средства эвфемизации, нежели в неофициальном, более раскованном общении, представленном интернет-комментариями.

В новостных статьях на обоих языках частотно употребление чистых эвфемизмов с обобщенным, абстрактным значением (*ситуация* (вместо *отставание страны*), *акция*

(вместо *оппозиционная акция*), *décisions* ‘распоряжения, решения’ (вместо *конкретные действия*), *mobilisation* ‘мобилизация, движение’ (вместо *протест*)), эвфемизмов-местоимений, что объясняется их широкой семантикой и возможностью обозначать множество референтов, а также пассивного залога и безличных предложений, маскирующих реального исполнителя действия и тем самым позволяющих ему избежать общественного порицания, как в примерах (здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация): «В России **фиксируется бедность** среди работающего населения, заявила вице-премьер Ольга Голодец»; «*Les blocages se poursuivent ce lundi, mais c'est surtout samedi prochain, le 24 novembre, qu'un «Acte II» est envisagé à Paris*» (‘Блокировки <дорог> продолжаются в этот понедельник, но «Акт II» в Париже **запланирован** на субботу, 24 ноября’). В обоих примерах реализуется манипулятивная функция эвфемизма, а опущение субъекта действия (не названы тот, кто фиксирует бедность; тот, кто планирует следующую акцию) способствует еще большему вуалированию реальности.

В статье о выступлении В.В. Путина перед Федеральным собранием во фрагменте «*Следует убрать все, что позволяет нечистоплотным, коррумпированным представителям власти и правоохранительных органов оказывать давление на бизнес*», — *сказал глава государства*» местоимение *всё* носит обобщающий характер, и именно из-за диффузности значения его невозможно однозначно соотнести с объектами реальности и сделать выводы о том, что имеет в виду президент. Иными словами, местоимение выполняет функцию сокрытия реальности.

В интернет-комментариях на обоих языках отмечается преимущественное использование лексических средств эвфемии, также с преобладанием слов с обобщенной семантикой и местоимений.

2. В обоих языках в новостных статьях и в комментариях различаются функции использования чистых эвфемизмов. В статьях чистые эвфемизмы реализуют следующие функции: выполнение требований политкорректности и амелиорация нежелательных реалий (например, бедности, физических недостатков), манипуляция общественным сознанием через сокрытие информации, смещение фокуса внимания с важной информации на второстепенную, снятие ответственности с действующих лиц (см. примеры выше).

В интернет-комментариях функции чистых эвфемизмов несколько иные: соблюдение максим комфортного общения через смягчение нежелательных реалий; привлечение внимания к очевидным негативным явлениям, которые автор не хочет называть прямо; «самоуспокоение» через намеренное преуменьшение негативных явлений: например, в комментариях к статье об улучшении материального положения малообеспеченных слоев населения используются те же эвфемизмы, что и в самой статье: «*Il y a de la précarité en France*» (‘Во Франции существует **неустойчивость** <положения населения>’), «*C'est près de 10 millions de Français qui sont dans cette précarité !*» (‘Это почти 10 млн французов **в неустойчивом положении**’). Авторы комментариев избегают прямого наименования, поскольку не хотят, чтобы их слова звучали слишком прямолинейно и грубо, то есть реализуется функция смягчения общения.

3. В новостных статьях на обоих языках чистые дисфемизмы выполняют функции формирования негативного общественного мнения через сообщение реципиентам, ка-

кие явления, действия или лица следует порицать: в статье о несанкционированных протестах: «*Полиция задержала 1074 человека на несанкционированной акции в центре Москвы за различные правонарушения <...> Ранее мэр Москвы Сергей Собянин заявил, что попытка организовать беспорядки ни к чему хорошему не приведет*» с помощью слов с негативным словарным значением формируется негативное отношение общества к протестантам, создается портрет правонарушителей, действия которых будут наказаны, что выражено литотой *ни к чему хорошему*, содержащей имплицитную угрозу.

Использование дисфемизмов также позволяет политикам сблизиться с народом, демонстрируя, что они понимают и разделяют негативное общественное мнение. Таким образом реализуется манипулирующая функция дисфемизмов: «*Supprimer les pensions de réversion? Une rumeur malsaine visant à faire peur*» («Отмена пенсий по потере кормильца / супруга? **Нездоровый слух**, который распустили специально, чтобы **нагнать страху**»).

4. На материале интернет-комментариев была составлена подробная классификация способов образования чистых дисфемизмов (см. Рисунок 4) и выявлены следующие сходства в реализации дисфемии в русском и французском корпусах:

4.1. Использование слов с негативным словарным значением является самым продуктивным средством образования чистых дисфемизмов в обоих корпусах, благодаря компактной форме и легко считываемому негативному заряду, причем во французском корпусе отмечается преобладание более негативно заряженных слов.

Стоит отметить, что в русском корпусе комментариев про чиновников часто встречаются слова из ЛСГ «воровство»: «*чтоб больше воровали*», «*Грабят народ*», «*Воры, а не чиновники*», «*Мы тут наверху ворует, ворует*». Рабочее место чиновника во многих комментариях представлено как *кормушка* — метафора для обозначения «места, где, используя неблагоприятные способы и средства, можно приобрести что-либо»⁵.

Население же, напротив, характеризуется словами из ЛСГ «бедность»: «*полстраны живёт в нищете на зарплату в 10 т.р.*», «*Денег нет. Общество беднеет.*», «*Я уехал именно потому что устал от бесконечного беспредела и безденежья*».

Частотны зооморфные метафоры: *акулы* (для наименования беспринципных людей, идущих по головам); *козлы*, *петухи*, *курица*, *овца* (для наименования чиновников); *петухи*, *козлы*, *куры*, *овцы* (для наименования мужчин и женщин); *ку-ка-реку* (для наименования комментариев о политике).

Сложившаяся в российском обществе ситуация в большинстве комментариев охарактеризована словами с негативной оценочностью: *позор*, *коррупция*, *проблемы*, *плохо*.

Во французских комментариях менее частотно употребление слов из ЛСГ «бедность», но они присутствуют: «*Heu, on était pas à 9% de pauvres en France il y a un an et demi?!!!!*» («Гм, а разве полтора года назад во Франции было не 9% процентов **бедных?**»), «*La misère et l'exclusion sociale existent ici aussi*» («**Нищета** и социальная изоляция есть и тут»).

⁵ Толковый словарь Ефремовой: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/177461/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BC%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 06.08.2021)

Деятельность политиков характеризуется французскими комментаторами глаголом *se gaver* ‘объедаться’ (используется тот же метафорический образ, что в русском *кормушка*), во многих комментариях предлагается их «убрать»: «*Pourquoi réformer leur statut ? Il suffit de **supprimer** ces gens-là.*» (‘Зачем реформировать их статус? Этим людям достаточно **убрать**’).

Чаще, чем в русских комментариях, при описании ситуации во французском обществе употребляются слова, передающие ощущение кризиса и упадка: *la crise* ‘кризис’, *la dégradation* ‘упадок’, *la faillite* ‘крах’ и их дериваты: «*la situation sur le front de l’emploi demeure **critique***» (‘ситуация с занятостью остается **критической**’), «*l’énorme **crise** politique, économique et financière, mais aussi morale et sociale*» (‘огромный не только политический, экономический и финансовый **кризис**, но и моральный и социальный’), «*Le pays se **dégrade***» (‘страна в **упадке**’), «*les gilets jaunes sont des révolutionnaire qui veulent **la faillite** de leur pays*» (‘желтые жилеты — это революционеры, которые хотят **краха** своей страны’).

4.2. Чистые дисфемизмы выполняют функции уничижения чиновников и негативной оценки политической обстановки в стране (см. примеры выше).

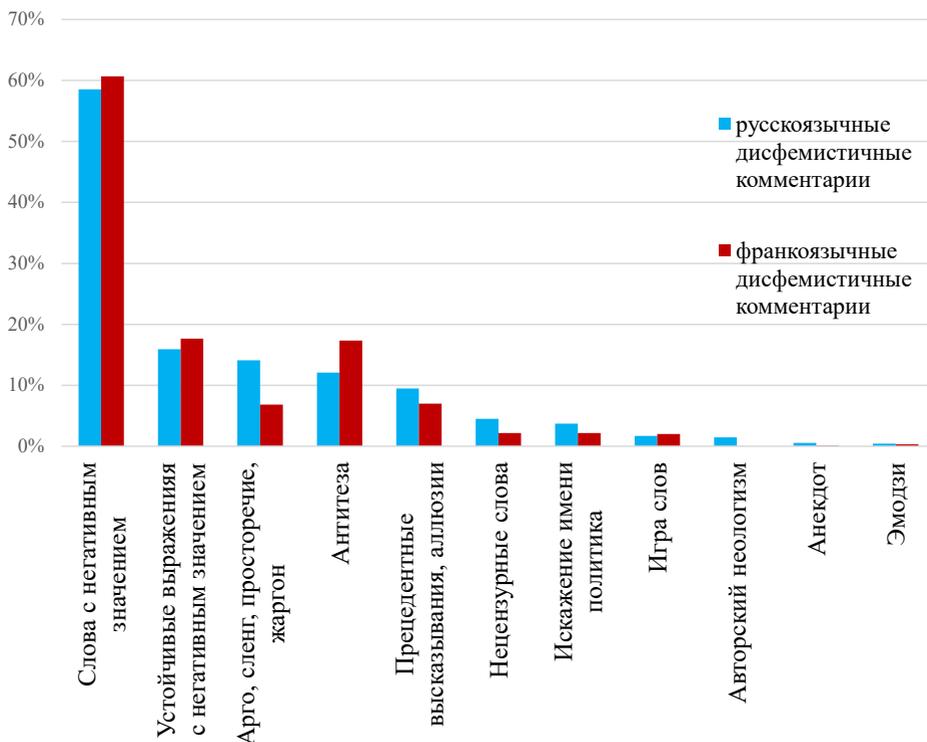

Рисунок 4. Диаграмма «Способы образования чистых дисфемизмов в комментариях на русском и французском языках»

4.3. Контекстуальные дисфемизмы также выполняют функцию выражения негативного отношения, но делают это не так очевидно, как чистые дисфемизмы. Однако мы считаем, что контекстуальные дисфемизмы имеют более высокую степень воздействия на аудиторию, так как при их буквальном понимании в сознании читателя создается желаемая картина того, как могло бы быть при иных благополучных обстоятельствах. Вне контекста эти слова с мелиоративными или нейтральными семами выражают мечту, но внутри контекста они подчеркивают пропасть между этой мечтой и реальностью: например, из комментария «*пора бы им <чиновникам> быть поближе к народу*» становится понятным, что автор осуждает оторванность чиновников от проблем простого народа.

А некоторые дисфемизмы, особенно выраженные в нелитературной форме, будучи перенасыщенными эмоциями, не несут конструктивного заряда и оттого не находят глубокого, осмысленного отклика у читателей, а провоцируют лишь поверхностные негативные реакции.

Контекстуальные дисфемизмы могут иметь ироничную и саркастичную окраску, как, например, в комментарии «*Ils «travaillent» encore à 75 ans parce qu'à mon avis ils ne font pas grand chose...* ❌❌❌❌❌» («Они еще «**работают**» в 75 лет, потому что, по моему мнению, они ничем серьезным не занимаются...») автор подвергает сомнению должное исполнение служебных обязанностей возрастными чиновниками. Комментарий обладает высокой степенью эмоциональности, создаваемой использованием нескольких рассерженных эмодзи.

Наконец, в обоих корпусах контекстуальные дисфемизмы выполняют функцию маскировки табуированных слов: «*будут ещё больше **ни*дуть** с народа*»»; «*gouvernement de m...* 😡» («(дословно) правительство из г...» (эмодзи подчеркивает негативные эмоции).

Замена графемы/графем типографическими знаками (многоточие, звездочка) приводит к тому, что форма слова становится псевдонейтральной, но отсылка к референту и коммуникативное намерение выразить негативное отношение остаются прозрачными. Употребление подобных единиц вызвано стремлением говорящего избежать удаления комментария модераторами сайта или его самоцензуры.

5. «Промежуточные» типы нейтрализованных дисфемизмов и контекстуальных эвфемизмов представляются самыми сложными для анализа, так как у них наблюдается сочетание противоположных форм и функций. При относительно редком употреблении обнаруживается их сходство в обоих языках:

5.1. Нейтрализованные дисфемизмы имеют форму чистых дисфемизмов, но выполняют иные функции: они служат для выражения позитивного дружеского отношения, симпатии, общности. Так, некоторые франкоязычные комментаторы называют сами себя *râleurs* ‘ворчуны, скандалисты’, а свои действия — *se plaindre* ‘жаловаться’. Слова имеют негативное значение, но комментаторы не выражают негативного отношения к этой черте своей нации, а напротив считают ее проявлением активной гражданской позиции и стремления улучшить свою жизнь. Это подтверждается комментарием из нашего корпуса «*Il y fait peut être bon vivre, justement*

*parce que les français sont **rôleurs**, et donc agissent pour améliorer leurs quotidiens et préserver leurs acquis sociaux...* 😊 » («Может поэтому тут и хорошо живется, что французы — **скандалисты** и поэтому действуют, чтобы улучшить свою жизнь и сохранить свои социальные блага»). Дружеский настрой автора подчеркивается подмигивающим смайликом.

Нейтрализованные дисфемизмы являются также средством «выпустить пар» и избавиться от негативных эмоций, что сближает их с явлением карнавализации. Как пишет М.М. Бахтин, в средневековье карнавал означал переключение с официального, высокого, духовного на низкий уровень, приобщение к «профанному, земному началу» [Бахтин 1990]. Дисфемизм в функции языковой игры не является оскорблением, а позволяет человеку освободиться от оков морали, является средством установления и поддержания контакта между коммуникантами: например, в комментарии к статье о послании президента Федеральному собранию «*Конечно америкосы. Ух черти. Мешают нам во всем. Ну ничего. Ещё 2 срока В.В. Путина и мы их победим. Ухх эти американцы*» автор шуточно ругает американцев за то, что они, по мнению многих, являются виновниками проблем в России, но из контекста очевидно, что сам автор, скорее, обвиняет президента, а значит, негативная окраска слов *америкосы*, *черти*, *мешать* отходит на второй план.

5.2. Контекстуальные эвфемизмы представляют собой сочетание формы чистых дисфемизмов и функций чистых эвфемизмов: они используются для маскировки каких-либо нежелательных реалий и разрядки негативной обстановки.

В русском корпусе комментариев к статье о подписании закона о декриминализации побоев в семье в потоке негативных комментариев, осуждающих решение президента, встретилось несколько шуточных комментариев, которые нельзя воспринимать буквально: «*Наконец-то! Поду жене люлей навалею*», «*пойду всеку кому нибудь*». Шуточный настрой передается частично через использование сленга (*навалею люлей*, *всечь* употреблены вместо прямого наименования *избить*), а также восклицание (*Наконец-то!*).

Интересно отметить, что в обоих языках выделяется группа комментариев с контекстуальными эвфемизмами из синонимичного ряда «несчастный», характеризующими чиновников («*бедняги* *пряма жалко*», «*На износ будут пахать, бедолаги*»; «*Comparé à certains footballeurs, il <Carlos Ghosn> fait " presque pauvre "...*» («По сравнению с некоторыми футболистами, он <Карлос Гон> **почти бедняк**»), что может свидетельствовать о подсознательном желании комментаторов занять место представителей власти, чтобы чиновники и топ-менеджеры стали такими же «бедными и несчастными», как народ сейчас.

б. В обоих языках ряд оценочных комментариев имеет в составе синкретичные единицы, однозначная интерпретация которых невозможна в силу недостаточности контекста.

К синкретичным единицам относится небольшое количество коротких комментариев (состоящих из одного или нескольких слов или эмодзи), содержащих оценочный компонент. Такие комментарии могут быть как дисфемизмами с оттен-

ком иронии, так и выражать гордость, радость, удовольствие или другие положительные чувства и эмоции.

Так, нельзя однозначно толковать комментарий к статье о задержаниях участников несанкционированной протестной акции «**Прекрасно сработали доблестные защитники правопорядка**»: автор комментария либо искренне хвалит действия полиции, либо иронично их осуждает. Толкование целей использования эмодзи также может быть затруднено, если нет достаточного контекста: например, комментарий к той же самой статье «👍» может быть расценен и как позитивная реакция на происходящие в столице беспорядки и знак поддержки протестующих, и как знак поддержки действий властей и, соответственно, осуждение в адрес оппозиционеров.

Во французском корпусе нельзя также однозначно трактовать комментарий к статье о повышении пенсионного возраста чиновников: «*Quelle bonne idée*» («Какая хорошая идея»). Общий фон комментариев к этой статье скорее негативный, многие читатели считают, что эта реформа позволит чиновникам «подольше получать зарплату ни за что», но нельзя исключать возможность существования и противоположного мнения.

Относительно небольшая частота встречаемости подобных комментариев свидетельствует о том, что носители обоих языков стремятся к однозначности в выражении оценок.

Были также выделены различия в употреблении эвфемизмов и дисфемизмов при сопоставительном анализе русского и французского корпусов интерактивных новостных статей:

1. Судя по большему количеству интернет-комментариев с чистыми эвфемизмами во французском корпусе нежели в русском, во французской культуре в повседневном общении строже соблюдаются принципы вежливости, а в русской культуре, скорее, принято прямо выражать свое негативное отношение к чему-либо, о чем свидетельствует большее количество комментариев с дисфемизмами в русском корпусе, нежели во французском (см. Рисунок 3).

2. Для французского языка более характерно использование грамматических средств эвфемии: например, эвфемистическую нагрузку имеют условное наклонение и инфинитивные конструкции, которые не имеют точных аналогов в русском языке и переводятся с использованием лексических средств: например, в статье о реформировании статуса высокопоставленных чиновников: «*La polémique récente autour de la rémunération du Défenseur des droits Jacques Toubon, qui voit les pensions de toutes ses précédentes fonctions s'ajouter à son salaire actuel*» («Недавняя полемика вокруг доходов правозащитника Жака Тубона, (дословно) **который видит, как пенсии от всех его предыдущих должностей прибавляются к его нынешней зарплате**») инфинитивная конструкция позволяет снять ответственность за происходящее с Ж. Тубона, в честности и оправданности высоких доходов которого сомневается общественность.

3. Среди средств образования чистых дисфемизмов (см. Рисунок 4) в русском корпусе комментариев отмечается более частотное использование арго,

сленга, просторечия и жаргона, что говорит об их глубоком проникновении в повседневное общение: например, частотное употребление политических неологизмов-сленгизмов *либерасты* и *госдеп* в качестве наименования «главных врагов» страны, которые «финансируют оппозицию» и «вносят раздор в общество»: «*Это нарицательное имя либерастов. Которые зарабатывают смутами*», «*наконец то власть проявила власть, поделом этой либидрастне*», «*Пояему ТУТ сидят люди, которые получают хлеб из госдепа и НИЧЕГО полезного не делают?*» (автор использует прием капитализации для привлечения внимания к комментарию).

Также в русскоязычном корпусе комментариев более частотны прецедентные высказывания, аллюзии, известные широкой публике и связанные с какими-либо негативными событиями. Наиболее часто эксплуатируемые прецеденты в русских комментариях — это цитаты высказываний Д. Медведева, отрывки из русской поэзии и песен, революция 1917 г., имена политиков. Так, автор одного из комментариев к статье о реформе пенсий для чиновников рассуждает о маленьких пенсиях «простых граждан»: «*Вы держитесь) всего хорошего*» — горячо обсуждаемая и порицаемая в свое время цитата Д. Медведева, которую он произнес во время визита в Крым на вопрос о низком размере пенсий. Комментатор использует эмоджикон) («улыбка»), что может быть воспринято как попытка сгладить негативный потенциал цитаты.

А для французских комментариев характерно использование негативно заряженных антитез, что отражает характерное для французского общества сопротивление всему, что ущемляет их права. Например, часто встречаются антитезы с понятиями *говорить* — *делать*: в комментарии к статье об объявлении Гренье для решения проблемы жестокости по отношению к женщине внутри семьи использованы не только слова *обсуждение*, *болтовня* и *действовать* из антонимических семантических полей «действие — бездействие», но и графическое выделение ключевых слов для повышения степени эмоциональности и негативной оценки бездействия политиков: «*STOP aux effets dérisoires de la **communication**, place à l'**ACTION** avec la mise en œuvre de l'**Arsenal juridique** existant <...> Le reste est **bavardage***» ('ХВАТИТ ничтожных эффектов от **обсуждений**, пора **ДЕЙСТВОВАТЬ**, применять существующие юридические практики <...> Остальное — **болтовня**').

4. На материале интернет-комментариев была впервые составлена подробная классификация способов образования контекстуальных дисфемизмов (Рисунок 5):

Среди средств образования контекстуальных дисфемизмов в русском корпусе самыми частотными оказались риторические вопросы и восклицания, не имеющие в своем составе слов с отрицательным значением, что может отражать стремление комментаторов к установлению диалога с представителями власти: как в комментарии к статье о повышении пенсионного возраста для чиновников: «*Там и так одни старики !! Куда больше*». Эмоциональный синтаксис помогает понять негативную оценку.

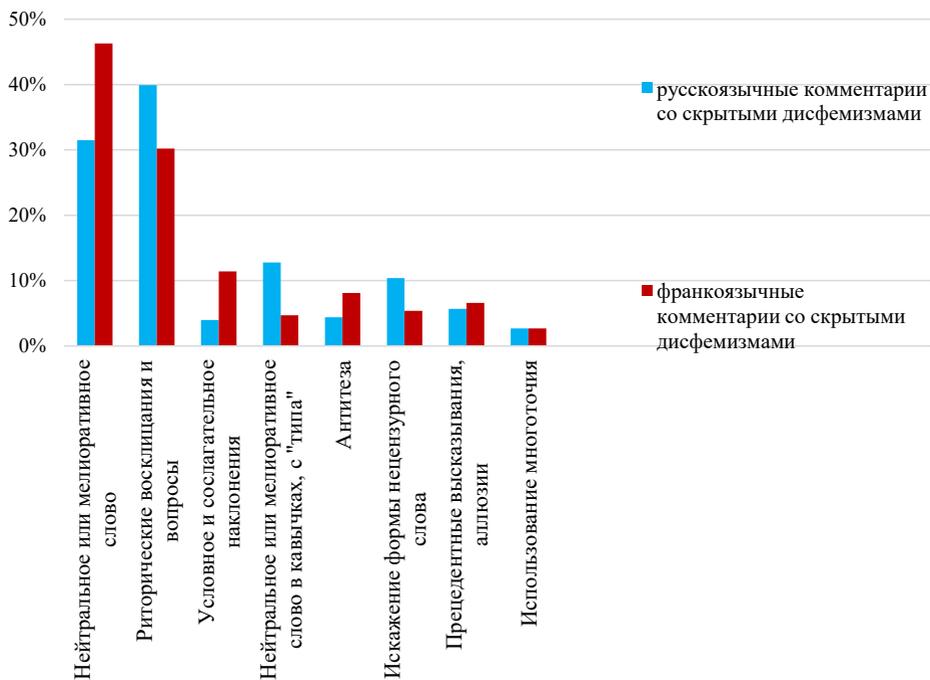

Рисунок 5. Диаграмма «Способы образования контекстуальных дисфемизмов в комментариях на русском и французском языках»

В комментариях на французском языке самым частотным является использование нейтрального или мелиоративного слова, приобретающего негативный смысл в контексте, что может свидетельствовать о предпочтении франкоговорящими интернет-пользователями иронического и саркастического типов общения. Например, в комментарии «*Donc, «on» n'a pas les moyens pour lutter contre ce fléau, mais «on» a les moyens de faire un énième grenelle inutile, pour qu'une poignée de parasite (et non, pas des chômeurs) prennent leur chèque annuel et mange quelques petits fours au passage. Tranquille, tout va bien...*» ('В общем, «у нас» нет средств для борьбы с этим бедствием <домашним насилием>, но «у нас» есть средства организовать очередной бесполезный гренель, чтобы кучка паразитов (нет, не безработных) получила свою годовую зарплату и съела заодно пару пирожных. Спокойно, все хорошо...') негативное мнение автора передается через слова с отрицательными семантиками *бедствие*, *бесполезный*, *паразиты*. Использование безличного местоимения *on* в кавычках служит для высмеивания частого употребления эвфемистических конструкций в политической коммуникации. А контекстуальные дисфемизмы образованы путем негативизации слов с позитивным значением *tranquille* и *bien* — таким образом подчеркивается саркастичный характер комментария.

Как показывает проведенный нами анализ эвфемизмов и дисфемизмов, в обоих языках особенности интернет-коммуникации и характерные черты жанра новостной статьи и интернет-комментария находят свое отражение и в реализации эвфемии и дисфемии.

Сопоставительный анализ выделенных типов иксфемизмов в русском и французском языках позволяет предположить, что способы их образования (лексические и грамматические) и выполняемые ими функции можно отнести к фреквенциям. Однако частота использования разных способов образования неодинакова в различных лингвокультурах.

В обоих языках для распознавания в тексте эвфемизмов и дисфемизмов и для правильной их интерпретации необходимы понимание широкого контекста высказывания, в том числе политической обстановки в стране, знание исторических и культурных прецедентов, что подтверждает исходную гипотезу о том, что эвфемия и дисфемия сложные явления.

В **Заключении** диссертации делается вывод о том, что эвфемия и дисфемия обнаруживают тесную связь с представлениями о мире, с менталитетом и культурными традициями, сложившимися в языковом коллективе. Как две стороны одной медали, эвфемизмы и дисфемизмы представляют собой противоположные реакции на одни и те же ситуации, факты, явления, находящие живой отклик в сознании общества. Поскольку язык служит не только средством передачи информации, но и средством ее сокрытия, мы считаем, что явления эвфемии и дисфемии отражают закономерности подачи информации, с одной стороны, отражая стремление к смягчению и приукрашиванию действительности, непрямому обозначению происходящего и своего отношения к этому, и, с другой стороны, к прямому осуждению и порицанию фактов реальности. Выражение субъективного отношения является одним из компонентов человеческого общения вне зависимости от используемого языка, что свидетельствует об универсальности рассматриваемых явлений.

Поскольку в ходе сопоставительного анализа были выявлены культурно-специфические особенности их реализации в разных языках, а также зависимость их функционирования от официального или неофициального характера ситуации общения, то эвфемия и дисфемия могут считаться не чисто лингвистическими, но культурно-лингвистическими и социолингвистическими феноменами.

Представляется перспективным дальнейшее исследование эвфемии и дисфемии в разных направлениях: сопоставительные исследования на материале большего количества языков с целью выделить универсальное, закономерное и специфическое, а также когнитивные исследования иксфемизмов с точки зрения реализации ими персуазивного и суггестивного воздействия.

Интересные возможности для дальнейшего изучения дисфемии и эмоционально-окрашенной лексики в целом предлагает также метод сентимент-анализа, который позволит объективизировать полученные лингвистические данные и сравнить частоты использования отрицательно, нейтрально и позитивно заряженной лексики в разных языках.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК РФ:

1. Чепорухина, М. Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» / М. Г. Чепорухина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2018. — Т. 24. — № 1. — С. 116–127.
2. Чепорухина, М. Г. Реализация негативного оценочного компонента в метафорической и иной моделях переноса значений / М. Г. Чепорухина // Когнитивные исследования языка. — № 2 (41) — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. — С. 805–807.
3. Чепорухина, М. Г. Культура речи и дисфемизмы в комментариях к политическим статьям / М. Г. Чепорухина, Н. Н. Лыкова // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. — № 1 (33) — М.: НОПриЛ, 2021. — С. 15–23.
4. Чепорухина, М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней / М. Г. Чепорухина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 95–102.

Публикации в материалах научных конференций

5. Чепорухина, М. Г. Политические эвфемизмы в интернет СМИ и ответная реакция пользователей / М. Г. Чепорухина // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании: 3-й молодежный конвент: материалы международ. студ. конф. 14–16 марта 2019 года. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — С. 834–837.

Подписано в печать 14.04.2022. Тираж 120 экз.
Объем 1,0 уч.-изд. л. Формат 60×84/16. Заказ .

Издательство Тюменского государственного университета
625006, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел./факс: (3452) 59-74-81, 59-75-93
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru